

Соколова Валентина Федоровна

НАРОДОВЕДЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

В статье раскрываются истоки драматургии А. Н. Островского - приемы исследования писателем социальной русской действительности, результаты которого ложились в основу его творчества; подчеркивается тесная связь народоведческих изысканий драматурга с деятельностью крупнейших представителей русской историко-филологической науки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 51-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 8

В статье раскрываются истоки драматургии А. Н. Островского – приемы исследования писателем социальной русской действительности, результаты которого ложились в основу его творчества; подчеркивается тесная связь народоведческих изысканий драматурга с деятельностью крупнейших представителей русской историко-филологической науки.

Ключевые слова и фразы: исследование; изучение; наблюдательность; драма; летописи; жизнь; народоведческие изыскания; история; современность.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
itioiptd@yandex.ru

НАРОДОВЕДЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

Уже первые пьесы А. Н. Островского, написанные в «москвитянинский» период творчества, характеризуются глубоким знанием их автором исторической жизни своего народа, пронизаны поэзией народного быта, которая, как писал Н. Г. Чернышевский, «интересна и мила для всякого, кто любит свой народ». Через нее, по мнению критика, Островский стремится указать путь к восстановлению «гармонии человеческих отношений, исходящую из патриархального мира» [8, т. II, с. 308]. Уже в пьесе «Не так живи, как хочется», в которой изображается русский народный быт XVIII в., «идея исторического единства русской культуры – старой и современной, – восприятие писателем древнерусской литературы как нерасторжимого единого целого соответствовали кардинальным, принципиальным положениям историко-филологической науки, в частности, теориям Буслаева» [4, с. 29]. Однако романтическая идеализация старинного русского быта очень рано сменилась у Островского обостренным интересом к современной социальной действительности. Он скоро понял, что образы и сюжеты художнику должна давать сама жизнь.

Пытливость, сноровка в постижении жизненных явлений ему были свойственны с ранней юности. Как отмечал один из хороших знакомых драматурга, В. М. Минорский, Островский отличался необыкновенной наблюдательностью, «которая не покидала его никогда, даже в минуты, когда казалось, он менее всего занят своими наблюдениями <... > перебирая в руках карты он внимательно следит за окружающим, и все наблюдения с необыкновенной ясностью запечатлевались в его памяти» [1, с. 262].

В изучении человеческой психологии и в уяснении социальной сущности героев его будущих произведений особое значение для Островского имело личное общение с людьми. «Расположение купцов к Островскому, – вспоминал тот же Минорский, – доходило до глубочайшего уважения и своего рода обожания; для многих он был ближе духовника, и они рассказывали ему обстоятельнейшим образом как свою жизнь, так и своих домашних» [Там же, с. 311-312].

Специальные народоведческие исследования, проводившиеся Островским как по живым образцам, так и по архивным документам и летописям, способствовали развитию особого значения в постижении русской национальной жизни и отечественной истории. «Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи, или не занимается ими: надобно знать, что любишь, а чтобы знать настоящее, надо иметь сведения о прошлом», – говорил он, ссылаясь на слова Карамзина [Там же, с. 134-135].

Интерес к архивам и древнейшим летописям зародился у Островского еще в «москвитянинский» период творчества, когда он имел возможность заниматься в древлехранилище М. П. Погодина. Все это: пытливый интерес к народной культуре и отечественной истории, изучение и отбор архивных материалов и публикаций современных ученых, – роднит драматурга с известными историками, фольклористами и этнографами своего времени. Знаменательно в этом отношении свидетельство М. И. Семевского, посетившего драматурга 19 ноября 1855 г.: «Был у Островского. Застал его за выписками из актов Археологической комиссии. Толковали о множестве ныне изданных материалов отечественной истории... Островский, любя Отчизну, ревниво занимался памятниками нашей старины» [Там же, с. 293].

В тщательном изучении рукописей и других исторических сочинений проявлялось необыкновенное чутье писателя, стремящегося к постижению русского национального характера и разнообразных сторон русского национального быта. Основным его требованием к литературному произведению было требование художественности и правды в изображении действительности. «Он скорее прощал отсутствие таланта, чем сочиненность, надуманность, тенденцию» [Там же, с. 123], – пишет Н. Н. Луженовский. Все это и определило место Островского в истории русской культуры как главы реалистического направления в драматургии и театре. Тщательное исследование современного и исторического русского национального быта давало ему возможность объяснять конфликты своих пьес не столкновениями характеров, а социальными причинами («Банкрот», «Доходное место») или исторической обусловленностью («Гроза»).

В знании отечественной старины Островский мог соревноваться с профессиональными учеными. Во время встреч с Н. И. Костомаровым он убедительно доказывал свою осведомленность в вопросах истории. С. В. Максимов вспоминал, что, беседуя с Островским, Костомаров постоянно убеждался в его «глубоком

изучении и живом понимании именно народной русской истории», которую он с присущим ему художественным проникновением «развивал <...> в художественно-сценической форме» [Там же]. На одном из «вторников» у Костомарова, когда хозяин обратился к нему с вопросом, где и как он для пьесы «Козьма Захарьич Минин Сухорук» нашел сведения о том, будто этот нижегородский гражданин «покупал плохих лошадей, но потом в короткое время они у него так отъедались, что сами хозяева их не узнавали», драматург ответил, что он, «отдаваясь известному изучению, доходил до корня вдумчиво и основательно» [Там же].

Именно вдумчивое исследование современности и исторической жизни народа определило становление в творчестве Островского и его последователей бытовой русской драмы.

Утверждение на сцене бытовой отечественной драмы, явившейся результатом серьезных народоведческих изысканий, встречало в 50-е годы решительное сопротивление эстетствующих литераторов, несмотря на то, что ее появление на сцене русского театра уже в 30-е годы столетия стало задачей первостепенной важности. Это хорошо понимали видные деятели искусства и литературной критики. «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой народный русский театр!.. В самом деле, – видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гробов могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни...» [2, т. IX, с. 346], – писал еще В. Г. Белинский.

С самых ранних лет творческой деятельности Островский понимал насущную потребность в микроскопическом исследовании действительности. Уже «Записки замоскворецкого жителя» (1847) выходили только за пределы «физиологических» описаний, приобретали глубокий философский смысл и помогали проникнуть в никому до тех пор неведомый мир купеческого быта. «Время работы Островского над очерками замоскворецкого быта и его первыми пьесами-картинами, – писала Л. М. Лотман, – было временем сознательного накопления бытовых наблюдений, которые потом использовались им в более поздних произведениях, когда быт не представлял для него самодовлеющего интереса, как в начале творчества» [3, с. 105]. «Очерки замоскворецкого жителя», «Первая поездка в Щелыково», а затем «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» явились для драматурга своеобразными «копилками» жизненных материалов, которые он потом использовал в своем творчестве.

Талант этнографа-исследователя и характер творческой манеры Островского-художника особенно проявились в период и после его участия в «литературной экспедиции» 1855-1857 гг. Материалы экспедиции, оформленные в жанре очерков («Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода»), легли в основу его многочисленных пьес, написанных в последующие годы.

На широких волжских просторах перед Островским воскресла старая Русь, русская история раскрывала перед ним свои страницы. Он доходил до знатоков местности, которые оказывали ему большую услугу в изучении народной жизни Поволжья. Писатель не упускал случая поговорить с жителями края, оставаясь иногда с ними с глазу на глаз. «Он почерпнул здесь живые образы и заручился новым материалом... Волга дала Островскому пищу, указала ему новые темы для драм и комедий и вдохновила его на те из них, которые составляют честь и гордость отечественной литературы», – писал С. М. Максимов в своих воспоминаниях [1, с. 165].

Один за другим обозревал Островский русские города: Тверь, Осташков, Кинешму, Торжок, Нижний Новгород и др. Древний Углич заставляет его вспомнить о совершенном там когда-то злодеянии, его восхищает Торжок, ревниво оберегающий свою новгородскую старину. «С вечевых некогда вольных новгородских пригородов повеяло на него тем переходным временем, когда тяжелая рука Москвы сковала старую волю и послала воевод в тяжелых рукавицах» [Там же]. В Нижнем Новгороде воскрес в его памяти образ спасителя Руси – Козьмы Минина.

Островский восхищается Волгой, ставшей для него символом России. Посещение монастырей, старых русских городов, знакомство с древнейшими летописями заставляют его пристально вглядываться в историческое прошлое края, вспоминать то «литовское разорение», то «зяблый год», то «лихолетье», помогают понять народную массовую психологию и лишний раз убедиться, в отличие от многих других русских писателей, что Россия все-таки страна исконно городской культуры. В то же время исторические события интересуют его как факторы, способствующие формированию и проявлению русского национального характера.

Все эти наблюдения Островского вливались в общее русло историко-филологических исследований современных ему русских ученых. Путешествие по Волге значительно обострило интерес драматурга к эпохе Смутного времени, т.е. XVII столетию, определивший появление его исторических хроник, где главным героем становится народная толпа. Ее изображение требовало этнографического исследования местных природных условий, формирующих национальный характер народа. Как и современные ему ученые, Островский придает особое значение природному фактору в изображении народной массы. Его герои – типичные волжане, профессиональные навыки которых определяются средой обитания. Это торговые, мастеровые, промышленные люди, характеры которых формировала природа Поволжья.

Воссоздавая исторические события XVII в. в пьесах «Воевода» и «Козьма Захарьич Минин Сухорук», драматург не мог обойтись без историко-этнографических материалов, собранных в период путешествия по Волге. Остатки старинного русского быта с его типично волжскими этнографическими чертами драматург искал и находил в современной жизни волжан. Это и помогало ему в создании незабываемых полотен из исторической жизни этнографически конкретной народной среды.

Богатое событиями напряженное действие драмы «Воевода» развивается в большом приволжском городе в середине XVII столетия, в период массовых выступлений крестьян под руководством Степана Разина. В пьесе изображен типично волжский народный быт, используется местный фольклор. Народная песня

«Вниз по матушке по Волге» символизирует волжскую разбойничью вольницу, удальство и любовь русского человека к свободе и безграничным просторам родной земли:

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя моря...
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: по матушке, по Волге [6, т. VI, с. 210].

Использует Островский и популярную в Поволжье народную драму, или игру «Лодка». Вводится в пьесу и имя широко известного в крае благородного разбойника Худояра (Романа Дубровина) или Кудеяра (в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»).

Мастерски воссозданы быт старой допетровской Руси, в недрах которого формировались женские характеры. Изображение всего этого требовало строгого научного подхода к историческим явлениям ушедшей в далекое прошлое эпохи. «Поэтический сон на Волге» – так определил С. М. Максимов пьесы, написанные Островским по волжским впечатлениям, в которых, как живые, встают из прошлого героические личности Нечая Григорьевича Шалыгина, Козьмы Минина, чьи образы являются не только результатом художественно-творческого труда драматурга, но и напряженной работы по исследованию конкретной исторической эпохи и определенной этнографической среды.

Важным источником сведений о прошлом для Островского служили публикации современных историков и этнографов. По свидетельству П. И. Мельникова-Печерского, основным источником исторической хроники «Козьма Захарыч Минин Сухорук» стала опубликованная им в 1843 г. в «Отечественных записках» статья «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время», из которой Островский взял имена предводителей восстания, Григория Лапши и Ивана Кувшинникова. Кроме указанной статьи, эти сведения можно было найти только в нижегородских архивах, познакомиться с которыми драматург в то время никак не мог. Более того, Островский повторил и допущенные самим Мельниковым ошибки и исторические неточности. Он не учел того, что в 1850 г. в кн. 21 «Москвитянина» была напечатана вторая статья Мельникова-Печерского о Нижнем Новгороде времен Смуты под названием «Несколько новых сведений о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Гермогене», где изложены более точные исторические сведения. На хронику Островского Мельников-Печерский откликнулся фельетоном, напечатанном в № 67 «Северной пчелы», где упрекал ее автора в отступлении от исторической правды.

Как участник «литературной экспедиции» Островский собрал огромный материал о современном состоянии края – изучил его экономическое положение, нравственный и культурный уровень населения. Подводя итог сделанному в очерках «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», он перечисляет и описывает наиболее распространенные в Твери, Затверечье и Городне промыслы: женские – «Вязанье чулок в одну нитку», приносящие работницам минимальные доходы; мужские – перевозка по Волге грузов, дающая возможность в день зарабатывать не долее 15-20 копеек серебром. Особое внимание очеркист обращает на кузнечный промысел: «работа изнурительная и малоприбыльная», работники «спят не более трех часов в сутки и вырабатывают не более полтинника в неделю». Писатель мечтает об интенсивном развитии промышленного производства в крае, «где так много готовых рук и так мало работы» [7, т. X, с. 324].

Наблюдения над жизнью тверичан, изучение экономики края, нравов и обычаев населения, сделанные за время работы в экспедиции, Островский использует уже в одной из первых, написанных на волжскую тему пьес – драме «Гроза», где устами Кулигина выражает свои мысли о крае, впервые высказанные в очерках: «Работу надо дать мещанству-то, а то руки есть, а работать нечего» [5, т. II, с. 216].

Говоря об общественных порядках в городе Калинове, олицетворяющем средний русский город середины XIX в., Кулигин замечает: «Бедным гулять сударь некогда, у них день и ночь работа. И спят-то не более трех часов в сутки» [Там же, с. 241]. Впервые эта мысль почти дословно была выражена Островским в очерках «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода».

Положив в основу драмы «Гроза» волжский социально-бытовой уклад, Островский создал незабываемые картины из жизни своего народа. Нравы, обычаи волжан определили важнейшие сюжетные повороты пьесы.

Используя научную методiku при исследовании истории народа и его культуры, изучая специальные публикации по народознанию и создавая на основе полученных материалов шедевры драматического искусства, Островский вошел в историю русской литературы и отечественного театра как непревзойденный мастер художественного слова, сознательно соединивший свое творчество с наукой.

Список литературы

1. **А. Н. Островский в воспоминаниях современников.** М.: Худ. лит., 1966. 631 с.
2. **Белинский В. Г.** Полн. собр. соч.: в 13-ти т. М.: изд. Академии наук СССР, 1953. Т. IX. 804 с.
3. **Лотман Л. М.** Записки замоскворецкого жителя А. Н. Островского (История и эволюция замысла) // Труды Отдела новой русской литературы. Л.: Наука, 1948. Т. I. С. 99-142.
4. **Лотман Л. М.** Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX в. // Русская литература. 1996. № 1. С. 19-44.
5. **Островский А. Н.** Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1974-1980. Т. II. 1974. 606 с.

6. **Островский А. Н.** Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1976. Т. VI. 606 с.
 7. **Островский А. Н.** Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1978. Т. X. 719 с.
 8. **Чернышевский Н. Г.** Полн. собр. соч.: в 16-ти т. М.: Красный пролетарий, 1942. Т. II. 944 с.

ETHNOGRAPHICAL ORIGINS OF A. N. OSTROVSKY'S CREATIVE WORK

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics
umoiptd@yandex.ru

The article discovers the origins of A. N. Ostrovsky's dramaturgy – the writer's techniques to explore the Russian social reality; the results of such exploration served as a basis of his creative work. The paper emphasizes the close relation of the dramatist's ethnographic studies with the activity of the most outstanding representatives of the Russian historical and philological science.

Key words and phrases: investigation; study; observation; drama; chronicles; life; ethnographic studies; history; modernity.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются вопросы идейно-смыслового пласта в творчестве советского писателя Л. Н. Завадовского, обосновывается появление в прозе писателя героев нового типа. В работе показаны способы приспособления героев Завадовского к новым реалиям советской действительности. Доказывается, что героям Завадовского сложно порвать с прежними национальными устоями. Исследуется литературно-художественное воплощение «слома повседневности» и его влияние на мировосприятие героев произведений Л. Н. Завадовского.

Ключевые слова и фразы: советская литература 1920-1930-х годов; слом повседневности; Л. Н. Завадовский; советская идеология; гражданская война.

Солопова Наталья Евгеньевна

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
se-natalia@yandex.ru

«СЛОМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» В ПРОЗЕ Л. Н. ЗАВАДОВСКОГО 1920-1930-Х ГОДОВ

Русская мысль, русская идея и русская литература в начале XX века претерпели колоссальные метаморфозы, определившие во многом дальнейшее движение русской культуры в целом. Советская литература 20-30-х годов XX века буквально за два десятилетия не только пересмотрела основные фундаментальные позиции, но и в корне поменяла художественно-эстетическую направленность. Переход от идеологии РАППа к идеологии Союза советских писателей нельзя назвать эволюцией, скорее, это была смена общей литературной концепции, в первую очередь отражающей политическое движение: «Новая власть нуждалась в такой «культурной революции», которая бы опиралась только на большевистский идеологический диктат» [10, с. 166]. В выборе сюжетно-композиционных построений, проблематики, основных тем произведений советские писатели должны были руководствоваться принципом партийности. Однако часто идеологические требования расходились с реальной жизнью страны, которая с трудом переходила на новые стандарты бытия.

В этой связи к советской эпохе 1920-1930-х годов часто применяется термин «слом повседневности» (С. Н. Лебедева, Н. Н. Козлова и др.), под которым понимается отсутствие «укорененности» маленького человека в новой советской действительности [5]. Это явление нашло яркое выражение в творчестве одного из самых ярких советских писателей 1920-1930-х годов – Л. Н. Завадовского. Видимо, поэтому критики-современники часто обвиняли его в отставании от социалистического роста литературы, утверждая, что «писатель еще не проникся социалистическим сознанием в такой мере, чтобы оно стало его мировоззрением, и социалистические проблески нашей действительности он дает еще художественно недостаточно сильно и убедительно» [6, с. 95].

Завадовский принимал активное участие в современном ему литературном процессе: в 1920-е годы он был членом группы «Перевал», позднее, в 1930-е, зачислен в Союз советских писателей, но, несмотря на это, настойчиво «от писателя требовали показать роль партийных организаций, коммунистов и комсомольцев, идущих “во главе масс”» [Там же, с. 130], так как литература, будучи частью советской культуры, должна была «выступить в роли проводника идей коммунизма» [10, с. 166].

Прямых антисоветских убеждений в произведениях Завадовского не высказывается, но при этом в его творчестве нет и льстивых восхвалений в адрес большевиков. Герои пытаются определить свое отношение к советской власти, к новой идеологии жизни («Полова», 1926; «Соседи», 1928; «В лунную ночь», 1927; «Соломенская учительница», 1938). Герои Завадовского приняли советскую власть, но до конца еще не поняли и не осмыслили ее устроительные принципы.